

Он сам говорит, что "всех нас жизнь разбросала по свету"... и потому затруднительно сказать, чей он музыкант? Но если проблему свести к самой сути и воспользоваться его же словами, сказанными в адрес пианистки Юлии Горенман, лауреата последнего Брюссельского конкурса имени королевы Елизаветы: "По школе, по технике игры она, безусловно, русская пианистка, хотя в конкурсных программах в графе национальность против ее имени был пропуск", то можно считать Лазаря Бермана русским пианистом. Читателям не надо представлять этого прославленного музыканта. Он покинул Москву недавно — в декабре 1990 года, и наши меломаны вряд ли успели его позабыть. Поселился в Италии, в окрестностях Болоньи, преподавал в консерватории Имоля. С осени прошлого года Лазарь Берман живет во Флоренции, продолжает давать концерты, записывает пластинки, участвует в работе многих международных музыкальных конкурсов.

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

Лазарь Наумович, как вы оказались в Италии?

— Увидеть эту страну было голубой мечтой моей матери. Мама умерла, и через несколько месяцев после ее смерти я получил приглашение поехать в Италию на концерты. Меня признали, полюбили, и я стал там бывать регулярно. Но жил по-преж-

нему в Москве. Все уезжали, а я нет. Все удивлялись. Я — тоже. Но эмигрировать мне не хотелось. Мои друзья — итальянцы, а у меня их появилось много, потому что итальянцы умеют дружить, как никто, мне говорили, что если я решусь уезжать, то только к ним, и больше никуда. С их помощью я получил приглашение в знаменитую музыкальную академию в Имоле, недалеко

от Болоньи. Это совершенно уникальное учреждение, постоянный класс мастерства для молодых музыкантов, проявивших склонность к концертной деятельности. Я преподавал там несколько лет.

— Вам нравится преподавать?

— Очень. К сожалению, в Москве заниматься этим мне не давали.

— А выступать в Москве или за рубежом вы могли?

— Нет, с зарубежными гастролями у меня были проблемы. После конкурса в Брюсселе я женился на француженке. Хотя формально власти этот брак разрешили, поездки за границу мне закрыли. Моя жена приехала в Москву, но жить было негде, и она уехала обратно в Париж, ждала, когда я получу квартиру. Потом политические обстоятельства еще больше осложнили ситуацию, и мы разошлись. Мне этого брака не простили. До сорока двух лет я не мог выезжать на гастроли в другие страны, то есть потерял лучших двенадцать лет, когда обычно делается карьера. А потом ты стареешь... Я мог зарабатывать деньги, даже построил коопера-

ЛАЗАРЬ БЕРМАН:

Культура — 1996. — 10 абз. — с. 14-15

Есть рояль, и этого достаточно...

тивную квартиру, а настоящей артистической жизни не было.

— Но вы надеялись, что такое положение когда-нибудь изменится?

— Я ни на что не надеялся. Я мало думаю о карьерных делах — не знаю, хорошо это или плохо. Как есть, так и есть. Неожиданно получил приглашение в Америку. Еще неожиданной было то, что меня пустили.

— Я помню ваш концерт в Нью-Йорке в 1976 году, восторженные рецензии в "Нью-Йорк таймс"...

— Да, все было и все кончилось довольно внезапно. Вы знаете книжку американского журналиста Х.Смита "The Russians"? Вся Америка ее читала, и мой импресарио посоветовал мне ее прочитать. Я увидел ее в магазине русской книги и, естественно, купил.

А через день мне возвращаться в Москву. Короче говоря, на таможене у меня эту книжку нашли. Что со мной там только ни творили... устроили личный досмотр, написали письмо с обвинением в контрабанде, потому что эта книжка была в списке запрещенных книг. И снова закрыли мне выезд, аннулировав все контакты, записи. В июне 1980 года сам президент Мексики лично обратился к правительству СССР с просьбой пустить меня на Международный фестиваль в Мексику. Все было напрасно. Я потерял еще четыре года.

— Грустно.

— Итак, прошло четыре года, я снова стал ездить. Но эту историю, эту проявленную ко мне жесткость я не забыл и вскоре уехал в Италию.

— Как часто вы выступаете с концертами?

— Несколько раз в месяц. Но сейчас стараюсь меньше музицировать, потому что притупляются острота, естественность восприятия. Предпочитаю давать сольные концерты. Очень трудно найти оркестр, который тебе близок, дирижера, который вдохновлял бы тебя.

— Но все-таки это случается?

— Очень редко. В последние годы я иногда выступаю с сыном Павлом. У нас с ним обширное поле деятельности, мы общаемся как коллеги, а не как старший с младшим. Хотя он очень считается с моим мнением. Я рад тому, что после получения первой премии на Международном скрипичном конкурсе в Индианаполисе он становится все более известным.

— Трудно ли вам после концерта возвращаться к обыденной жизни?

— Для нас, музыкантов-профессионалов, музыка — тяжелая работа. Это для слушателей музыка — поэзия, красота. И потому переход к реальности происходит естественно. Единственное, что неприятно, так это возвращение в гостиницу. Только что вокруг были люди, звучали аплодисменты, и вдруг ты один и никому больше не нужен. Это одна из причин, почему я теперь не люблю ездить на гастроли. Кроме того, в Италии принято после концерта приглашать музыканта на ужин. С одной стороны, это очень приятно, но в то же время невольно думаешь о том, что утром надо ехать в другой город и там снова играть... И приходится отказываться.

— Какая музыка вас привлекает?

— У меня характер романтический. Недаром в первом браке, презрев все опасности, я женился на француженке. И не жалею об этом. Так что мне ближе романтизм с его контрастами чувств, настроений. Академизм, объективизм, которые теперь распространены, мне менее близки. Почему так моден в наши дни объективизм? Потому что музыкантам с академическим уклоном легче исполнить концерт. Все получается правильно, гладко. Ведь очень просто выворачивать. Значит ли это, что я играю только композиторов-романтиков? Пожалуй, нет. Я думаю, что в музыке тех композиторов, кого мы называем классиками, тоже

есть элемент романтики. Они тоже жили, любили. И я выбираю те сочинения Бетховена, Моцарта, Баха, в которых чувствую романтику. Я считаю себя специалистом по Листу. Это великий композитор. Но есть сочинения Листа, к которым я достаточно равнодушен.

— Ваше отношение к современным композиторам? Вы их исполняете?

— Я люблю их слушать, но сам играть избегаю. Хотя у меня в репертуаре есть концерт для фортепиано и струнного оркестра А.Шнитке. Для фортепиано современные композиторы пишут не очень охотно. Иногда я задумывался, почему. Ответ можно найти в том, что количество произведений для фортепиано, написанных за всю историю, столь велико, и

так много среди них гениальных творений, что составить им достойную конкуренцию невозможно. Я не говорю о Шостаковиче и Прокофьеве. Это уже классики.

— Вы свободны в выборе репертуара?

— Не совсем. Во-первых, в концертной жизни есть традиция не повторять репертуар. Если я в каком-то городе играл определенные сонаты Бетховена, то не принято их там играть снова. И потом бывают просьбы со стороны организаторов концертов. Так что на составление программы влияют и мои собственные желания, и обстоятельства.

— Записи у вас часто бывают?

— Когда я ездил в Америку, много записывался. За четыре года записал больше 30 пласти-

нок, там было все: и сольные концерты, и выступления с ведущими дирижерами и оркестрами. К сожалению, после той неприятной истории с книжкой дела мои со звукозаписывающими фирмами расстроились. Они регулярно переиздают мои грампластинки, а новых вы не найдете. Сейчас я стал записываться на бельгийской фирме. Люди умирают, а записи остаются, и мне хочется что-то после себя оставить.

— И у вас с годами меняется интерпретация одного и того же произведения?

— Конечно. Например, я записал концерт Чайковского дважды. Второй раз я его сделал более теплым, лиричным. Ведь иногда приходится менять интерпретацию вещи в зависимости от рояля. Я иду на это с полной уверенностью, что делаю правильно. По моему, можно иметь несколько вариантов интерпретации, и все они достойные, хотя и разные. Главное знать, чего хочешь добиться. Умение играть на различных роялях составляет одну из черт пианиста. Кроме В.Горовица и А.Микеланджели, никто с собой рояль не возил.

— Вы часто принимаете участие в международных конкурсах. Как вы относитесь к их участникам?

— Как к своим коллегам. Это обычное отношение исполнителей. Потому в жюри конкурсов стараются приглашать (чаще всего безуспешно) как можно больше исполнителей.

— Но есть ли какая-то общая мерка, по которой вы судите кандидатов?

— Если мы возьмем двух музыкантов: один играет интересно, но с техникой у него не все в порядке, а другой дает не очень интересную интерпретацию, — но технически все идеально, то, как правило, выбирают того, у кого налицо техническое преимущество. И это справедливо, без этого нельзя проводить конкурсы. Музыканты знают о преувеличенном внимании к технике, и потому во время выступлений вы слышите такие бешеные темпы. Но, если человек не очень талантливый, техническая законченность становится самоцелью.

Всегда нужно помнить, что конкурс — это только один шаг, одна ступенька в профессиональной жизни музыканта. Тем, кто неудачно выступил, не стоит расстраиваться и чувствовать себя незаслуженно обиженным. Если человек действительно прекрасно играл, то несправедливо быть не может. Значит, есть какой-то недостаток, над которым надо работать. А к победителям конкурса у меня другое пожелание: не забывать, что с победой на конкурсе не кончается, а только начинается их будущее, и, какое это будущее, неизвестно. Победители должны работать еще усерднее, чтобы оставаться на высоте. Я хочу посоветовать, в частности, тем, кто собирается попробовать свои силы на Брюссельском конкурсе, сыграть где-то еще. Потому что этот конкурс требует огромного напряжения и физического, и морального. Можно быть прекрасным музыкантом и не выдерживать. Раньше русские участники давали более стабильные результаты. Потому что, прежде чем поехать на международный конкурс, они участвовали в национальном. Конечно, бывали всякие несправедливости, мы все об этом знаем, но качество подготовки русских участников было высоким. А теперь положение русских музыкантов

сравнивалось с положением остальных. Имеешь музыкальное образование, имеешь возможность приехать — пожалуйста, выступай. И наряду с большими талантами появляются "малоконкурентные" люди. А все представляют Россию. В результате подрывается авторитет русских исполнителей.

— Вы по натуре космополит? Есть рояль, есть музыка, и этого вам достаточно?

— Если говорить о моей профессии, то да, в этом смысле я по натуре космополит. Мне безразлично, где я нахожусь. Музыкантов сама жизнь так воспитывает, у нас язык международный, мы ни с чем не связаны. Что касается патриотизма, то он у меня есть, хотя вопрос это непростой. Во время путча 1991 года я смотрел на танки и думал: все кончено, все возвращается. А когда победили демократические силы, был так оптимистичен, что заплакал. Я был горд, что принадлежу к народу, который сбросил с себя это иго.

Беседу вел Лариса ДОКТОРОВА

БРЮССЕЛЬ

По сообщениям корреспондентов "Культуры" и ИТАР — ТАСС